

П. М. КОЛЫЧЕВ

«МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ ОЧЕНЬ ВРЕДНА...»

Автобиографическое интервью¹

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-221-240

Аванесов С. С.: Итак, Пётр Михайлович Колычев, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Начинаем наше интервью, посвящённое теме взаимной связи или отсутствия взаимной связи между философской биографией и автобиографическим текстом.

Колычев П. М.: Ну, надо только добавить, что сегодня у нас 4 февраля 2021 года.

Аванесов С. С.: Давайте попробуем поговорить.

Колычев П. М.: Я хотел бы небольшое вступление сделать. И поскольку эта запись в каком-то смысле, насколько я понимаю, будет полуофициальной, в том смысле, что

полуофициально какая-то часть записи пойдёт в отчёт по гранту, здесь я хотел бы (вот это принципиальный для меня момент) прокомментировать известное выражение: «Платон мне друг, но истина дороже». Сергей Сергеевич мне друг. Истина здесь ни при чём. В моём понимании я как бы истину ставлю в ничто, то есть она не имеет для меня абсолютно никакого значения. Для меня дружба гораздо важнее. Поэтому что-то в моём интервью, может быть, выйдет за рамки общепринятого. Я постараюсь выражаться на нормальном нормативном языке. Но по содержанию это будет не очень удобоваримо, я думаю, для 95 % философов. Потому что, я надеюсь, в своём интервью я высажу всё, что я о них думаю. Но я понимаю вот эту часть официальную, нужную. Поэтому я как бы даю Сергею Сергеевичу карт-бланш: он может вырезать любой кусок из моего интервью, вплоть до того, что может вырезать слова, скомпоновать новый текст, и я под ним подпишусь. Я к этому совершенно свободно отношусь. Но я предупреждаю, что я буду говорить откровенно, то есть так, как оно есть.

Аванесов С. С.: Пётр Михайлович, спасибо за примечание к нашему будущему интервью. И тогда, если Вы не против, мы начинаем.

Колычев П. М.: Да, да, начинаем.

¹ Разговор записан 4 февраля 2021 г. Интервью провел профессор С. С. Аванесов (Великий Новгород). Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

Аванесов С. С.: Тогда первый вопрос (личный). Вы уже пишете свою автобиографию? Или вы считаете это лишним делом?

Колычев П. М.: Во-первых, я не считаю это лишним делом. Автобиографию не пишу, за исключением, если помните, в советское время мы заполняли в отделе кадров так называемую «автобиографию». У меня где-то листочек, мой рукописный листочек, сохранился. Нет, я считаю, что это дело действительно серьёзное. Ну, вот мы с моей супругой столкнулись с серьёзностью этого мероприятия ещё в связи с тем, что мне достались дневники моего бывшего руководителя – Аскина Якова Фомича, его дневник, который он вёл. По крайней мере, мне досталась часть с 1957 года и до самых последних его времён (это порядка, наверное, где-то около 40 лет). И была очень большая работа проведена с этими дневниками. В основном она была проведена моей супругой Любовью Ивановной. И мы никак не понимали, как её издать, вообще-то говоря. Но, в конце концов, пришли к убеждению, что нужно не просто издание. Там просто непонятно: один кусок, другой. Она сделала литературную обработку: как бы рассказ о себе. Но по смыслу там нет никаких других мыслей, кроме мыслей самого вот этого философа. Такая книжка потом была ею написана, мы её опубликовали. И Сергею Сергеевичу, если будут у него свободные руки, Любовь Ивановна с удовольствием подпишет и вручит эту книжку. Поэтому я считаю, что дело это нужное. Но приступил ли я? Вообще-то, не приступил. Ну, вот я сейчас и приступаю, собственно говоря. Вот именно благодаря этому интервью я и приступаю к написанию. Но у меня это будет видеоавтобиография.

Аванесов С. С.: Хорошо. Хорошо то, что, может быть, это интервью послужит поводом для начала новой работы. А вот что касается самой работы философа. Вы согласны с мыслью, что вообще-то жизнь философа заключена в его текстах, в тех, которые он пишет? Тогда надо ли ему писать ещё отдельный текст о самом себе?

Колычев П. М.: Я бы, честно говоря, сделал бы эту фразу, построил бы её наоборот. Ещё раз формулировку, чтобы я не перепутал. Начальная формулировка: жизнь...

Аванесов С. С.: Жизнь философа заключена в его текстах. Ну, имеется в виду, что, читая его тексты, мы понимаем его эволюцию. Нужно ли писать ещё один текст?

Колычев П. М.: Всё, понял. Ну, отвечу на второй вопрос: нет, второго текста писать не надо. Но почему? Потому что у меня как раз всё наоборот: сначала текст философа, а потом его жизнь. Это принципиально разные значения. То есть ты должен прожить жизнь в соответствии с теми идеями, которые ты высказываешь. В этом смысле у тебя должна быть ответственность. Вот пример (хороший или нехороший – неважно) большевиков. Они ведь и жизнь так построили себе. Ну, по крайней мере, истинные большевики. Они так себе и видели. У них сначала был некий как бы образ мысли, или в широком смысле слова – «текст», и тогда они по нему выстраивали собственную жизнь. Поэтому в моём случае это именно так и есть. То есть я стараюсь жизнь прожить так, в соответствии с теми результатами философскими, которые я получил.

Но, правда, во втором же вопросе мы сразу сталкиваемся с очень важным термином, который нужно прояснить: что такое философия? Я постараюсь это кратко сделать: почему нужно прояснить? Потому что я убеждён: то, что я по-

нимая под философией, я очень редко это встречал, среди философов я это вообще не встречал, а среди других людей – да, было некое согласие. Для меня философия – это знание о том, как устроен мир в целом. Вот это и есть философия.

Как к этому относиться? К этому надо относиться как к определению. Это не означает «хорошо» это, «плохо» и так далее. Нет. Это внутреннее определение для моего вот этого видеофрагмента. Вот сейчас я так это думаю, и на протяжении всего вот этого видео я буду так и использовать вот этот термин. То есть это по определению. Вот в своё время, когда я изучал математику, у нас была замечательная фраза. А ведь математики в отличие от философов (здесь математика и философия на разных полюсах)... с математиками невозможно спорить. Там как бы: вот тебе мел, доска – доказывай. Доказал – прав, не доказал – свободен. У философов всё наоборот. У математиков так, когда они упрутся, тогда математик говорит: «Вот это по определению. Я вот это вот так определил и, исходя из этого определения, получил такой-то результат». Поэтому для меня по определению философия – это (одним словом) мировоззрение, то есть воззрение на мир.

И ещё пару слов. Исходя из этого, для меня философскими дисциплинами не являются ни логика, ни гносеология, ни эстетика. Это специальные разделы. Они очень хорошие, замечательные. Но они самостоятельные. Никакого отношения к моей философии вообще не имеют, просто не имеют никакого отношения. Я занимаюсь только вот этой частью. Ну, в каком-то смысле она у меня совпадает на 95 % с онтологией. Почему с онтологией? Потому что та философская концепция, которая у меня сложилась, она развивается из онтологического решения проблемы бытия. И если у нас будут какие-то содержательные вопросы по философии, я буду говорить только о той философии, в каком-то смысле автором которой я являюсь. Никакой другой философии. Некоторые из других философий я знаю, но для меня самая уважаемая (я смирился шляпу), единственная философия – это Гегель. Для меня Гегель был отчасти последним философом, который достоин носить это высокое звание.

При этом надо различать ещё две вещи: есть философ, а есть преподаватель философии. Это совершенно чётко надо понимать. Потому что преподаватель философии – человек на государственной службе. Он получает государственные деньги. У него есть заказ, он должен что-то делать вот так-то и так-то. К философии это может не иметь никакого отношения. У некоторых это совпадает. Вот у многих советских философов это совпадало. Они как думали... Но, я думаю, там их, наоборот, отобрали так думающих и им платили зарплату. Поэтому по второму вопросу: вначале – философия, то есть как бы текст, а потом – жизнь в соответствии с этим текстом. Это я ответил на первую часть вопроса.

А вторая часть вопроса о том, что нет, не надо второго текста... Отсюда и понятно, кстати, что второго текста писать не надо. Вообще говоря, у меня в своё время (кстати, Сергей Сергеевич, у меня такое подозрение, был на нашей этой конференции, он был почти на всех наших конференциях «Современная онтология») был доклад, даже пленарный доклад, там что-то под названием «Авторская философия». Вообще, свою философскую концепцию я должен закончить своей автобиографией. Для меня это был бы высший пилотаж. Ну, чуть попозже, я думаю, ещё что-то, может быть, две главы могу написать, не больше.

Аванесов С. С.: Отсюда следует, что всё-таки Вы считаете, что философ, если это философ в Вашем понимании, так выстраивает свою биографию, так разворачивает свою философию, что вершиной этого разворачивания должна всё-таки явиться автобиография?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Кроме того, мы и чисто эмпирически знаем, что существуют и существовали философы, которые писали или пишут автобиографии.

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: И в этом смысле такой вопрос, исходя из того определения философии, которое Вы сейчас представили. Если философ берётся описывать свою жизнь, это описание чем-то должно отличаться, как-то должно быть маркировано в отличие от жизнеописаний нефилософов? Мы можем видеть что-то, какие-то знаки, которые нам подскажут, что это описана жизнь философа? То есть, в конце концов, чем жизнь философа отличается от жизни нефилософа?

Колычев П. М.: Я думаю, да. Вот эти как бы маркеры или знаки, они должны существовать, поскольку они... Как бы если в моём случае это будет всё вытекать из философской концепции, это просто будет видно. Но без этого – я не понимаю, как это может без этого. Поэтому в этом смысле автономный жанр биографии философа для меня немыслим. То есть он должен быть связан. Нет, маркеры есть. Но когда вот я отвечаю на вопрос, я с чем-то соглашаюсь. Я, конечно, понимаю, следующий вопрос. Меня сейчас могут спросить: а в чём они? Я надеюсь, этот вопрос не прозвучит, а может быть, и прозвучит.

Аванесов С. С.: Нет, если Вы не готовы сказать...

Колычев П. М.: Нет, надо просто как бы экспромтом: в чём они? Да. Ну, хорошо. В чём? Во-первых, в фундаментальной продуманности. То есть если ты в своей биографии, допустим, что-то обосновываешь, то это должно быть связано. То есть это очень связано всё. Хотя, с другой стороны, если сама теория рваная, то и биография может быть рваная. Вот в моём случае она очень связанный. Вот, например, очень хороший пример, очень часто меня спрашивают, когда о себе рассказываешь: как получилось, что ты же был как бы нормальным человеком, ты закончил физический факультет, специальность «Теоретическая ядерная физика». Полтора года в студенчестве были стажировки в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне. Как тебя уговаривали? Карьера складывалась. Моя руководительница Татьяна Дмитриевна Блохинцева была просто дочкой академика Блохинцева, который построил этот институт, вообще-то говоря. И работал я в Лаборатории ядерных проблем, которую возглавлял (его по-русски называли) Бруно Максимович Понте-корво. А для меня, как это ни удивительно, исходя из моей концепции, в этом нет ничего удивительного. Потому что я такую задачу изначально, ещё школьником поставил. А задача очень простая: узнать, как устроен этот мир. Вначале, я когда был 10-классником, я-то думал, что он устроен по физическим законам. Поэтому я, конечно, пошёл на физический факультет. И меня не взяли на мою специальность, связанную с квантовой физикой, меня взяли на теплофизику. Я тут же написал заявление, что я не хочу быть на теплофизике, я хочу перевестись вот именно на теоретическую ядерную физику. И через две недели меня всё-таки перевели. Почему? Потому что я считал, что именно квантовая физика и позволит ответить на вопросы: как устроен этот мир? И вот

в Дубне я начинаю понимать, что физика на этот вопрос ответа не даёт. Ну, тогда у меня ещё мягкое решение было. Я думаю, что всё-таки этот вопрос... Меня спрашивают: «Ты в аспирантуру собираешься поступать?» Я говорю: «Нет». Моя руководительница: «Ты чего? А почему?» Я говорю: «Татьяна Дмитриевна, я сначала должен разобраться с философскими вопросами, а потом вернусь в физику».

Аванесов С. С.: И так до сих пор? (*Смеётся*)

Колычев П. М.: Ну, отчасти не вернулся, но в область информатики я всё-таки вернулся. А я, кстати говоря, и диплом писал на языке Fortran (это программирование), потом программистом работал. И последняя моя книга, она так и называется – «Теория информации». Вот в область информатики я вернулся. В квантовую механику я точно не вернулся. Но я получил тот результат в философии, который мне говорит о том, что там делать нечего. Всё.

Поэтому я думаю: маркеры, какие маркеры? Это должна быть по связанныности биография такая же, как твоя теория. То есть если у тебя всё очень связано, то и в жизни у тебя всё как-то должно быть вот так вот логично. Не должно быть каких-то спонтанных решений. Если у тебя концепция философская какая-то рваная, спонтанная, сейчас одно, потом другое – ну, вполне возможно, что ты и будешь походить на эту концепцию. Но хотя вот эти маркеры, они я не знаю насколько... Тут надо, конечно, подумать, какие из них ещё. Может быть, продуманность, но это как бы продуманность следующих шагов. То есть в каком смысле? Вот предстоит некое событие. Я должен сделать выбор. Как я могу сделать выбор? Ну, я могу сделать исходя из житейских обстоятельств, но я могу сделать выбор, исходя из того, как я вижу этот мир и как я вижу себя в этом мире. И тогда я как бы знаю, что вот это мне не надо, это мне не надо, это не надо. Примерно в том направлении я и буду двигаться.

Аванесов С. С.: То есть можно сказать, что когда философ описывает свою биографию, всё равно в этом тексте мы видим его отношение к миру в целом?

Колычев П. М.: Ко мне – это 100 %. В моём отношении – это просто 100 %. Но это связано со вторым вопросом.

Аванесов С. С.: Но всё равно ведь, наверное, любой философ, так или иначе, отвечает на этот вопрос о мире в целом: устроен он так или не так или никак не устроен.

Колычев П. М.: Нет.

Аванесов С. С.: Может быть, те события, которые он описывает, он, так или иначе, соотносит с этим своим базовым принципом.

Колычев П. М.: Нет. Я-то соотношу, конечно. Нет, я, конечно, соотношу. Но я очень редко видел примеры такого соотношения. То есть я, например, очень многих философов... Вот, я не знаю, я уже, наверное, всех достал своим вот этим вопросом на нашей конференции «Современная онтология», если мне удаётся где-то побывать ведущим. Это не прикол. Можете видеть в разных видео. Я всегда задаю вопрос. Если действительно доклад по онтологии, я говорю: «Скажите, пожалуйста, что значит быть? Вот ответьте на совсем дурацкий вопрос». И, вы знаете, я занятый ответ, что значит «быть», вообще очень редко получал. Особенно я никогда не мог получить этого ответа от феноменологов. У меня к ним как бы особая любовь. У них никогда этого ответа не мог добиться. Поэтому, я думаю, это должно быть, но я особых таких примеров в своей жизни не встречал.

Кстати говоря, даже в теоретическом плане это серьёзная трудность. Вот смотрите, а если мы рассмотрим историка философии. Для меня это вообще загадка: а как он должен жизнь прожить, если он историк, допустим, по античной философии? Он что, должен жить, как античные философы? Ну, это просто невозможно, вообще говоря. Мы живём совершенно в другой ситуации. Или если ты средневековой занимаешься, у тебя любимая тема – это средневековая философия. И что? Это мой любимый пример, когда я говорю студентам перед экзаменом: «Слушайте, вот мы свободные люди, слава Богу, живём в свободной стране. У вас есть выбор (а последние годы у меня культурология): как будем сдавать культурологию? Есть какой вариант? Средневековый вариант, вариант Возрождения, Просвещения, допустим. Или вариант, допустим, советский, первых годов советской власти, помните, когда экзамен сдавали пять человек. Им задавался вопрос. Если хотя бы один из них ответил – всё, прошёл. И я говорю: «Какой же?» Ну, и у них ум в раскорячу. Иногда они у меня спрашивают: «А у вас любимый вариант?» Я говорю: «Мой любимый – это средневековый». Мне говорят: «А почему?» Я говорю: «Так очень просто. Как шёл экзамен в средние века? Начинается экзамен. Заносится кровать для профессора». Все сразу начинают хихикать. Я говорю: «Там становится ширма, чтобы вы не видели. Кровать нужна для профессора. Потому что вас он будет мучить до конца. Он может, имеет право отдохнуть. А вы на отдых не пойдёте до тех пор, пока вы ему не сдадите. А в другом углу стоит такой небольшой чан, там вода. И там замечательная лоза, она такая гибкая. Есть у него помощники. Зато знания вбивали так – мало не покажется».

Поэтому я не представляю, как может прожить жизнь историк философии. Кстати говоря, моё мировоззрение мне очень помогло освоить, вообще говоря, всё, что вот сейчас в мире происходит. А сейчас происходят, ну, нешуточные, вообще-то говоря, вещи. Просто нешуточные. И понятно, что я как-то немножко предсказываю. И некоторые из предсказаний, они действительно сбываются, причём долговременно.

Как-то, лет пять или шесть назад, мы сидели у Игоря Ивановича Евлампьева, там был его коллега, по-моему, из Швейцарии. Сидели вечером, и речь зашла о политике, я говорю: «Слушайте, давайте поиграем в игру. Давайте каждый из вас ответит, что будет через пять лет». Всех удивил мой ответ. Я им сказал, что через пять лет Америки не будет. Вот просто не будет и всё. В принципе, я как бы поторопился. Но всё идет к тому, что той Америки, которая была даже пять лет назад, уж её точно, наверное, не будет. Ну, это я так думаю, что точно, а там это не известно, как оно пойдёт. Но я полагаю, что её уже сейчас нет вот в том качестве. И многие вещи так, даже по мелочам. Я думаю: ну, вот это, наверное, так будет. Так оно и получается. Я был абсолютно уверен, что Навального посадят. Был абсолютно уверен. Абсолютно уверен. И мне было приятно, что я прочитал, что он всё-таки сядет. Дорогие товарищи. (Смеётся)

Аванесов С. С.: То есть это о том же. То есть философ – это тот, кто имеет доступ к принципам, ну, условно говоря, порядку бытия. Он может читать не только прошлое, в том числе, и своё прошлое, читать и интерпретировать, но он выходит и в такую плоскость, когда ему ясны перспективы.

Колычев П. М.: Нет, я думаю, из нас каждый выстраивает перспективы. Ну, естественно, если у тебя есть некая теория и ты знаешь, как этот мир устроен, ты примерно понимаешь, как он будет дальше развиваться.

Ну, например, ещё до того, что с нами случилось в этом году, года за два, решался вопрос: всё-таки нам оставить за собой домик в деревне или не оставить? Я тогда понимал, что с развитием информационных технологий мы придём к тому, что мы будем сидеть по этим домикам. И вот, к счастью, большое преимущество России – огромная территория. Мы просто разбредёмся по Сибири, по этим домикам. Нам места хватит. И при хорошей связи (интернет-связи) у нас будет как бы нормальный... Ну, будем, может быть, ходить на лыжах в гости. Хотя можем так разбрестись по Сибири, так нас разбросает – будешь неделю до соседнего домика идти. (*Смеётся*) Поэтому я полагал, что очень многое изменится в этом интернет-общении. Ещё тогда, где-то года два назад, у меня была задумка вести курсы культурологии из своего домика. Почему? Потому что у меня там в курсе культурологии есть такое вот автономное хозяйство. Я бы просто реально показал, как копается земля, как сажается картошка, как растут помидоры, которые ты выращиваешь и употребляешь не на продажу, а для себя. Ну, сельскохозяйственные культуры я мог бы там все показать. И вот посмотрите. Ну, уже об этом начинают писать. Когда-никогда вот эта чёрная полоса у нас закончится. Но к тому состоянию мы уже не вернёмся. У нас будет очень развита удалёнка. Она и так уже была как бы достаточно сильно развита. Теперь она будет ещё сильнее развита, вот эта удалёнка. На добровольной основе. Ну, то есть люди поймут, что, вообще говоря, так просто эффективнее работать: особы многое помещений не надо и так далее, и на переезды меньше времени.

Аванесов С. С.: Это уже происходит.

Колычев П. М.: Да. Я думаю, через год всё уляжется. Но мы по инерции, слава Богу, будем развивать это направление.

Аванесов С. С.: Просто некоторые компании уже не возвращают сотрудников, оставляют их на удалёнке. Потому что это эффективнее.

Колычев П. М.: Конечно, конечно. Не надо за аренду платить. А сейчас же огромное количество... Ну, у нас не огромное количество труда занято в информационных технологиях, мы не такая продвинутая страна. Но вот эта сфера полностью уйдёт, вся сфера ИТ уйдёт на удалёнку.

Аванесов С. С.: Хорошо. Вернёмся к философской автобиографии. Несколько раз разговор уже выходил на то, как философ должен или может писать автобиографию. Вам известны автобиографии конкретных философов? Всё их читали? Какие-то вам понравились? И если да, то почему именно эти?

Колычев П. М.: Да. Единственную биографию, которую я читал, – немножко отчасти платоновскую, о Платоне я немного читал.

Аванесов С. С.: Я имею в виду именно автобиографию.

Колычев П. М.: А-а, автобиографию. Слушайте, кроме автобиографии Якова Фомича Аскина, вообще-то говоря, не читал. Раньше, кстати говоря, у меня была вот эта мысль, что если мне биография человека, ну, не автобиография, а биография человека не понравится, философа, то я не должен им интересоваться. И у меня был диссонанс. Потому что Гегель как человек был плохой человек. Ну, вот то, что я о нём прочитал (это не автобиография), – это плохой человек. Человек, который не признал своего сына. Ну, нехороший человек. Ну, слушайте, но вот гениальную картину философскую построил. Тут ничего не отнять. Не то, что гениальную – красивую. У него всё было очень красиво.

Аванесов С. С.: Хорошо. Тогда такой вопрос. Есть ли разница между философской автобиографией и автобиографией философа? То есть я поясню. Может ли, скажем, нефилософ написать философскую автобиографию, то есть не просто перечислять даты своей жизни, не дневник вести, а попытаться как-то осмысливать это всё? А может ли философ написать нефилософскую автобиографию, как раз такого анкетного типа?

Колычев П. М.: Ну, ответить на вопросы, если философи говорят структуру вопросов, да, он на них может просто ответить, но это не будет как бы автобиографией, поскольку ему всё-таки навязали и порядок вопросов, и сами вопросы, и формулировки вопросов. Вот, кстати, в нашем случае я понимаю, что у нас есть вопросник. Но Вы начинаете понимать, что я очень много как бы ухожу от текста, от точной формулировки вопроса и даю ответ в таком широком понимании. Поэтому философ это, конечно, может сделать, на этот опросник ответить. А вот может ли нефилософ написать философскую биографию? Если он не чувствует себя философом, то, конечно, нет. Ну, здесь просто, опять же, по определению. Если он не чувствует себя философом. Разумеется, речь не идёт о том, что у него должно быть или не должно быть философское образование. Это неважно.

Мне любопытную историю рассказал Борис Васильевич Марков. Они, говорит, как-то с Сухачёвым где-то здесь недалеко, на Петроградке в какой-то рюмочной в перестроечные времена выпивали. Ну, вы Бориса Васильевича знаете. Он может, конечно, немножко приврать. Но он так элегантно это делает – ну, хочется верить. Но это неважно. Вот такая байка. Мы, значит, выпиваем и что-то говорим про Лакана. И вдруг...

Аванесов С. С.: Заходит Лакан.

Колычев П. М.: За соседним столиком человек буквально... Вот этот эпизод вошел в фильм «Окно в Париж», когда он заходит немножко выпить после неудачного ограбления... Там на столе голова поникла, и вот кто-то отрывает голову от стола и говорит: «А в третьем семинаре Лакана (полупьяным языком) – то-то, то-то, то-то». Всё. Сцена. Конец абзаца. (*Смеётся*)

Поэтому это не важно. Ты должен чувствовать, быть философом. Например, у меня был (ну, я надеюсь, ещё есть, просто давно не виделись) приятель Юра Стеклянников. Он сам геолог, по-моему, по образованию, но у человека настолько всё было продумано, как бы вот всё мировоззрение продумано. И в моём понимании он, конечно же, был философом. То есть он меня иногда просто убивал. А почему убивал? Потому что я ему давал работу, которую он должен был выполнить, а я ему должен был заплатить. Не очень простые отношения. Я ему говорю: «Надо то-то и то-то делать». А он сидит и думает. Я говорю: «Юра, трясти надо». Он говорит: «Нет, я должен продумать все операции, вот что я должен сделать, и только после этого я двинусь». Я говорю: «Трясти надо». Ну, это известный анекдот: «Что думать-то? Трясти надо».

Аванесов С. С.: То есть может оказаться так, что человек, который, допустим, не считался философом, пишет свою автобиографию, и мы из неё вычитываем, что это философ? Потому что он не просто описывает факты, а постоянно отсылаем к каким-то общим принципам.

Колычев П. М.: Да, конечно. Потому что это будет сразу видно, но исходя, конечно, из того, что мы будем понимать под философией. В моём понимании философия – это мировоззрение, целостный взгляд на мир. Это не означает,

что каждая пьянь может об этом рассуждать. Нет, ничего подобного. Философа отличает системное, очень продуманное отношение и к себе, и к тому, что происходит. Это не просто задать какой-то философский вопрос. Это может любая пьянь тебе назадавать. Как Ленин говорил: «Задаст 100 вопросов – 100 мудрецов их не разрешат». Помните фильм: «Если, если, если...» Нет, это не философия. Философия – когда ты фактически на любой вопрос отвечаешь, что называется, «от печки». Что значит «от печки»? У тебя как бы продумана теория. Тебе говорят: «А вот это как?» И ты вот отсюда начинаешь-начинаешь-начинаешь-начинаешь: «А поэтому мы должны это сделать вот так-то». Да, тогда это философский подход к жизни. И это и есть философ.

Аванесов С. С.: Если обратиться к Вашей биографии, попросить посмотреть на себя. Ну, мы начинаем писать автобиографию сейчас. Да?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: Вот можно ли найти в истории Вашей жизни какой-то такой момент, который можно сейчас определить как поворотный к философии, решавший какой-то момент, событие какое-то, мысль, может быть?

Колычев П. М.: Нет, ну, тут дата известна. Это 11 сентября 1973 года. Дата очень известная. Ну, для нас, по крайней мере. Это переворот в Чили. Это дата, когда Пиночет затевает военный переворот, и хунта приходит к власти. Почему? Вот казалось бы. Нет, это просто связь с датой. В этот период я, будучи мальчишкой, только закончил 8 класс, поступил в 9 класс, я очень активный образ жизни вёл. Потому что вырос в провинциальном городе, на земле. И не просто в провинциальном городе. Это как бы не очень понятно. Наш дом стоял второй с краю. Дальше – степь. Это означает, что я фактически в деревне вырос.

Аванесов С. С.: Что это за населённый пункт?

Колычев П. М.: Это город Балашов. Саратовская область, город Балашов. Адрес: ул. Марии Расковой, 16. Следующий дом был 18. Дальше – степь. Всё. Дальше там поле аэродрома, степь, куда мы уходили. А поскольку простора-то у нас было – ого-го, это не то, что вот вышел во дворик, погулял тут: мы в путешествие отправлялись на 3–4 километра. Возвращались только под вечер уже. Очень активный был образ жизни. И я неудачно в своих боях на шпагах, тогда у меня такой период был мушкетёрский, я порвал мениск и лёг в больницу. Прямо накануне, чтобы уже идти в школу. Мне сделали операцию, и лежу я в больнице. И 11 сентября ко мне приходит одноклассница. А я до 11 сентября был такой хулиганистый мальчишка, у меня были «двойки», очень много «троек». «Пятёрку» я за свою жизнь помню только одну, вот на тот период только одну. «Четвёрки» – иногда были. Ну, как бы с «двойки» на «тройку», устойчивый как бы троичник, но иногда получающий «двойки». Я лежу в больнице. И ко мне приходит отличница. Причем не просто отличница, а вот в буквальном смысле слова девушка моей мечты. То есть я до этого – в 7-м классе, в 5-м – делал ей предложение. Я, вообще, как бы нахалёнок по жизни. Мы-то понимаем, кто такой двоичник, а кто такая отличница, вообще говоря, в советской школе. Это как бы люди разных кланов, вообще-то говоря. Они никак не пересекаются. И тут ко мне навестить... А отличницы, они же... Как это сказать? Они же такие идеальные. Им сказали: «Надо товарища навестить». – «Да, сейчас мы сделаем». Под козырёк: «Да». Вот, отличница нашего класса Любовь Ивановна.

Аванесов С. С.: То есть её отправили.

Колычев П. М.: Не знаю. То ли её отправили, то ли она сама вызвалась: «Надо навестить». А это 11 сентября – 11-й день меня нет. Надо выяснить. Она приходит ко мне в больницу. И с этого момента у нас начинаются отношения. В третий раз они... Ну, вот до сих пор они начинаются, и до сих пор как бы продолжаются. Но какое это отношение к философии имеет? Очень прямое. Она отличница. Она сказала: «Либо ты хорошо учишься, либо мы расстаёмся». Поэтому в отношении меня как бы началом всему вначале была любовь. Причём любовь в обоих смыслах: и любовь как чувство, и любовь как имя. Потому что её звали Люба. (*Смеются*) И почему я считаю, что именно этот поворотный пункт? Потому что с этого момента я начинаю активно учиться. И первая область для меня – физика. Физика – это мироустройство. Потом оно перерастает, вообще-то говоря, в философию. Причём настолько медленно... Вот это был действительно крутой поворот. Вот это очень крутой поворот. Всё остальное – медленные повороты. Я заканчиваю школу. Кстати, школу заканчиваю с двумя «тройками» только. Остальные – «четвёрки», «пятёрки». В основном – «пятёрки».

Аванесов С. С.: Вот мотивация что значит.

Колычев П. М.: Любовь – это страшная сила. Сделать из хулигана, троекника, полудвоичника... Вывести в люди... Поэтому вот всё, что я здесь представляю... Она является соавтором всего того, о чём я говорю.

Аванесов С. С.: Ну, ведь любовь же движет солнце и светила. Да?

Колычев П. М.: Да. Ну, в моём случае так оно и получается. Поэтому я начинаю активно учиться, потому что сразу у меня начинается: а куда поступать? Я должен учиться хорошо. Не освоил только два предмета: это русский язык и литература. Эта преподавательница, её звали Лидия Ивановна (до сих пор помню), она мне не могла простить перерождение. Она не могла поверить в это. Вот остальные более-менее скрепя сердце поверили в перерождение. А она так и не могла поверить в это. Поэтому у меня, по-моему, только две «тройки» в аттестате и есть. В университет – понятно, что нужно поступать. Она же отличница, она же будет поступать. Я тоже должен тянуться. Здесь никакого следующего такого скачка не было. Дальше, следующий момент – поступление в университет.

Поступил в университет. И на втором курсе каким-то образом я сразу попадаю в философский кружок. Это на втором курсе физического факультета. Там я встречаю людей, которые оказали на меня колossalное влияние. Кстати, вот сегодня я смотрел. Ирония судьбы. У меня в школе был преподаватель физики – Степанищев Анатолий Фёдорович. Царствие ему Небесное. Вот сейчас наводил справки: оказывается, уже полтора года как его нет. Это мой учитель в школе. Он потом стал кандидатом философских наук. Закончил Московский педагогический. У него руководитель был тот же самый, что у Раисы Максимовны. Гrot, по-моему, или какая-то такая известная фамилия. Потом он защитил диссертацию, уехал в Брянск, и вот в Брянском университете он до недавнего времени, оказывается, работал. Он понимал, что он будет философией заниматься. Я даже помню споры наши с ним. Он тогда меня убеждал, что физика всё не объясняет. Я до сих пор помню его пример: «Вот у меня палец обрезан. Что твоя физика делает?» Я говорю: «Как что, Анатолий Фёдорович? А спектральный анализ?» – «Спектральный анализ чего? Как вот без этого?» Ну, и так далее.

А потом я попадаю в университет и почему-то на втором курсе каким-то образом, ну, через своих друзей, я не был здесь инициатором... Я вообще как бы провинциальный парнишка из деревни, приехал в Саратов. Это губернский, а тогда областной город. При этом я же попал, вообще-то говоря, на свою голову в самую выдающуюся группу на всём факультете. Я не знал этого. Оказывается, туда поступали только выпускники 13-ой школы (это специальная школа физико-математическая, там все преподаватели, которые у нас были, они у них уже там преподавали) и из 19-ой школы. Это элитная школа, там дети все этих самых партийных «шишечек» учились. Вот они часть оттуда, часть оттуда. И я среди них. И для меня это был, конечно, просто какой-то кошмар. И там ещё парень был с Волгограда, участник олимпиад: Витя Третьяк. Кажется, это он... Или на него как-то вышли – вот этот философский кружок.

Вела кружок Валентина Николаевна Ярская, назывался «ТФС» (теоретический философский семинар). Там я познакомился с Владимиром Николаевичем Гасилиным. Недавно его, к сожалению, не стало. И каково же было потом моё удивление, что Владимир Николаевич закончил ту же самую кафедру – теоретическая ядерная физика. А работал я потом у Игоря Дмитриевича Невважая. Теоретическая ядерная физика. Причём именно эта кафедра, на которой я был сам. Вот.

Ну, у нас, наверное, ещё образование было такое. Ведь, смотрите, у нас в группе было 15 человек. Из них, из 15 человек-физиков – два доктора философских наук, одна точно кандидат философских наук и один кандидат педагогических наук. Это вот как минимум вышли трое: два доктора и один кандидат – это точно на какой-то момент. Нас преподаватели так ориентировали. Я помню, преподаватель Шефтер, когда он на первом курсе нам такие вещи рассказывал, я просто вот так вот сидел – у меня было такое ощущение, что я попал в передачу «Очевидное невероятное». Кстати, любимая моя передача. Вот она меня как бы и сделала, вообще-то говоря. Я Сергею Петровичу Капице обязан, вообще-то говоря.

И потом, после университета... Здесь не было никакого перерыва. Понятно, я со второго курса посещаю теоретический философский семинар. Кстати говоря, к своему греху, я не слушал ни одной лекции по философии. Потому что мы тогда уехали уже в Дубну. А философия была уже на четвёртом курсе. Мы её экзаменом сдали. Просто взяли учебник, прочитали и сдали. Я не слушал лекции по философии.

Аванесов С. С.: Может, оно и к лучшему.

Колычев П. М.: Ну, может быть.

Аванесов С. С.: В то время какая философия была?

Колычев П. М.: Ну, марксистско-ленинская. Кстати говоря, потом стали готовиться к кандидатским, мне Владимир Николаевич Гасилин говорит: «Ну, ты к кандидатским готов?» Я говорю: «Владимир Николаевич, как бы всё нормально. Вот диамат – без проблем. Это диалектика Гегеля. Что там? Она на 80 % сделана. А вот такую вещь, как истмат, я, хоть убей, не могу понять. Ну, как это можно?» Хотя сейчас стою на марксистских позициях. Вот как это ни удивительно, какие-то марксистские позиции у меня остались. В том смысле, что первично для культуры – это бытие, а не сознание. Это отдельный разговор. Я готов дать обширное интервью на эту тему. (*Смеётся*) Поэтому здесь никакого разрыва нет. И уже в конце университета я просто начинаю читать

философские книги. Потому что я понимаю... Я тогда занимался проблемами пространства и времени. Ну, как без этой проблемы? Теория относительности и так далее. Эйнштейн – вообще полубог был. А потом я начинаю понимать, что, вообще-то говоря, я здесь ничего нового не скажу до того момента, пока я не разберусь с одной простой категорией: что такое соотношение? И всё. И я иду в библиотеку, выписыvаю книгу Авенира Ивановича Уёмова «Вещи, свойства и отношения». Такая тоненькая книжечка. Я её переписал всю. Потом она у меня, кстати, издана в моей книге. Потом даже смеялись. Я, когда был в аспирантуре, приходил без пяти девять в библиотеку, стою около двери. Я представляю, как я раздражал библиотекарей. Они приходят: вот, это чудо опять стоит. (*Смеётся*) Заходил в зал, мне говорили, знаете, как в баре: «Вам как всегда?» Я говорю: «Да». (*Смеётся*) Вот я две страницы прочитал, написал три на них страницы. Следующие. Ну, и так далее. Мы, кстати, потом познакомились с Авениром Ивановичем Уёмовым, когда он приехал.

Меня, кстати, именно эта тема и выручила. Почему меня взяли в аспирантуру? Потому что, как потом оказалось, Яков Фомич и Авенир Иванович были близкие друзья. Они учились на одном курсе с Ильенковым. Они учились с Зиновьевым Александром Александровичем. В 2005 году, когда был конгресс в Москве, и Александр Александрович там выступал, слушайте, ну, это гениальный человек. Да, вот для меня образец философа, вот в полном смысле слова, – это Зиновьев Александр Александрович. Вот этот человек выстроил всю свою жизнь в соответствии со своими идеями. Я его просто бесконечно уважаю. Ничего не помню про этот конгресс. Только помню его вот это выступление. Вечером я был, ну, просто счастлив. Потом я подошёл к нему. Я, вообще, как бы нахалёнок в этом плане. Я студентом академикам не гнушался вопросы задавать. И даже мне Гинзбург один раз... Если хотите, я расскажу, когда Гинзбург был ведущим, будущий Нобелевский лауреат. Я говорю: «Александр Александрович, вы помните Якова Фомича Аскина?» А Аскин поменял фамилию. Он говорит: «Яшу Аскинадзе? Да, конечно же, помню. Как же так? Зачем он фамилию сменил?» У него она была «Аскинадзе», а потом он её поменял на «Аскин». Вот для меня это – да (мы говорили, по-моему, кто). Я не знаю, писал он автобиографию или нет, Зиновьев. Может быть, и писал.

Аванесов С. С.: Пётр Михайлович, как вы думаете, является ли написание автобиографии фактом биографии автора? И, следовательно, входил ли написание автобиографии в содержание этой автобиографии? Может ли таким образом написание автобиографии стать фактом биографии и её изменить?

Колычев П. М.: Слушайте, тут порядка пяти вопросов, вообще-то говоря. Ну, понятно, что они достаточно близки, разные варианты одной и той же темы. В моём случае в соответствии с тем, что я ранее сказал (что хорошая философская система и должна закончиться автобиографией), я отвечаю положительно на этот вопрос. Кстати говоря, хорошее философское мировоззрение чем-то заканчивается, и в конце открываются новые возможности. И если в моём случае это всё должно закончиться автобиографией, тогда акт написания автобиографии становится не только концом, но и началом новых направлений мысли.

В моём случае это в буквальном смысле именно так. Поскольку, надеюсь, я в этом году реализую один свой очень важный проект, который является следствием всей этой концепции. У этого проекта есть название. Я сейчас даже

делаю сайт (название – «Ливели»), в котором я всё это стараюсь прописать. Но «Ливели» – это уже не столько какая-то теоретическая концепция, а это описание образа жизни. Фактически это некие правила (если хотите, правила жизни). Но они не замкнуты в том смысле, что поступайте только так и получите результат. Нет, это правила начала. А как там потом пойдёт, вообще-то говоря... Потому что, ну, в двух словах скажу, что это связано с искусством. Это связано именно с искусством. Если в двух словах, это связано с совместным занятием искусством. То есть с коллективным. Вот откуда у меня, кстати, интерес-то к кино? Потому что кино – это один из тех редких случаев. Это коллективное творчество. Это не просто художник вот пишет. Если речь идёт не о строгом режиссёре-диктаторе (как правило, так и бывает). А я имею в виду створчество. Вот этим у меня всё должно закончиться.

Но это ещё не является актом моей биографии. То есть я пишу проект, который должен реализоваться, и он должен потом войти в мою биографию. Вот в этом смысле – да. Поэтому у меня очень особое отношение к теоретической философии, которая уже как бы пройдена, она мне не интересна. И поэтому я очень редко выступаю на конференциях. Мне просто уже теоретизирование не интересно.

Мы вот с моим другом Надеждой Хаджимерзановой Орловой как-то обсуждали эту тему, и я сказал, что у меня нет интереса. Она ещё, тем более, математик, она очень хорошо в этом смысле меня понимает. Я говорю: «Представим себе, что математику дали решить задачу. Он её решил. Возникает вопрос: а что делать дальше?» Причём это такая задачка, такая красивая задачка, но ты нашёл её решение. Что теперь, писать её каким-то красивым почерком и так далее? Ну, для математика же интересно решить эту задачку. Я её решил. Всё. После решения надо двигаться дальше. Вот у меня сейчас такое отношение к современной философии. Я решил эту задачу. Но теперь я хочу это решение плавно воплотить, наверное, в какой-то проект. Вот тот проект, которым я занимаюсь – это проект «Ливели». У меня и в последних публикациях этот термин встречается. Этот термин придуманный. Я его просто сконструировал сам из-за его красоты, обтекаемости и так далее. Ну, и кое-что пробовали мы, и со студентами я пробовал, в этом направлении проводили они какие-то эксперименты. И так далее.

Аванесов С. С.: Если автобиография – это очередной шаг философской биографии, то, как и всякий предыдущий шаг, может ли автобиография, когда ею занимается философ, как-то повлиять на трансформацию, эволюцию или изменение его философских представлений? Сначала он занимается собой как человеком, потом всплывает проблема времени. Может ли он изменить, например, отношение к проблеме времени?

Колычев П. М.: Конечно. Сергей Сергеевич, не надо меня спрашивать про время. Потому что у меня даже пленки не хватит тогда.

Аванесов С. С.: У нас нет времени, чтобы говорить о времени?

Колычев П. М.: Да, у нас нет времени, чтобы говорить о времени. Я, кстати, до сих пор помню: одно из лучших выступлений, которое я слышал в отношении времени, – это именно Ваше выступление на нашей конференции. Это было в ИТМО на Биржевой линии или на Менделеевской (не помню, где у них там корпус). Менделеевская. Нет, Биржевая линия. И когда Вам в прениях задали вопрос: «Что такое время?» Гениальный ответ. Просто человек достает часы

и показывает: «Вот». Я даже опешил. Я не ожидал простоты и точности ответа. Ну, может быть, потому, что я был согласен с этим. Я просто до этого не додумывался. На меня это произвело очень сильное впечатление. Когда человеку говорят: «Что такое время?» Он достает часы и говорит: «Вот». Остенсивное определение: «Вот это есть время». Нет, конечно, это связано с моим предыдущим высказыванием. Конечно, вот этот акт написания автобиографии, он является одним из этапов философствования. Конечно. Поскольку предполагается некое движение дальше.

Аванесов С. С.: А видите ли Вы разницу в жанровом отношении, в содержательном отношении между автобиографией и, скажем, мемуарами или дневниками?

Колычев П. М.: Ну, насчёт дневников – точно вижу. А по поводу автобиографии и мемуаров – думаю, нет. Думаю, автобиография – это как бы вольное изложение. Ну, вот как я сейчас говорю. А если мемуары, тогда я, когда некоторые фамилии упоминаю, должен посмотреть, когда они родились. Как бы дополнение материала с внешней стороны. Но это моё такое мнение. Здесь мемуары как бы более точные по изложению. А автобиография – это всё-таки жанр экспромта. А вот с дневниками – абсолютно точно различное. Потому что вот этот опыт мой с Любой по дневникам Якова Фомича показал, что самая главная проблема – как их издавать. Потому что он, допустим, одну тему обсуждает здесь; потом он через 10 лет её обсуждает, потом через 15 лет её обсуждает. И непонятно, как вообще это издать. Вот это – да. Дневник – это поток. Причём это как бы сиюминутная автобиография. То есть это мои переживания в данный момент времени. Всё. Вот когда я говорю как бы в одном потоке, то это же событие уже по-другому переживается. А оно в дневнике было зафиксировано как некое сиюминутное. И там, кстати, могли быть зафиксированы одни ощущения, а вот когда я в потоке, это может всё поменяться.

Аванесов С. С.: И в этом смысле вопрос: как Вы думаете, автобиографию нужно писать синхронно тому, что происходит, как бы в дневниковой манере, или всё-таки нужно отступить на какое-то временное расстояние?

Колычев П. М.: Вот сейчас это и происходит. То есть в определённый момент тебя как бы хватают, ты садишься перед камерой или садишься перед листом бумаги, и единым взором ты всё это вспоминаешь. Мне кажется, это более правильно. Потому что если ты будешь потом перечитывать, переделывать, менять оценки, потом что-то вспоминать, вот это, наверное, уже будут мемуары. Нет, я думаю, автобиография в полном смысле слова (мы вначале об этом говорили) – это как в советском периоде мы писали автобиографию. Ты пришёл в отдел кадров, тебе дали листок – всё, заполняй. Заполнил – свободен. Вот твоя автобиография. Что вспомнилось тебе в данный момент. Зафиксировал – всё.

Аванесов С. С.: А вот философская автобиография, она должна быть построена так же, как анкета, то есть по хронологическому принципу? Или можно автобиографию написать иначе: тематически как-то её делить, может быть, географически, ещё как-то?

Колычев П. М.: Это, вообще говоря, хороший вопрос. Он связан с тем, как устроено наше сознание. Вот недавно у Игоря Ивановича Евлампиева вышла книга по Бергсону. Он мне её подариł, и я там вычитал... Я Бергсона очень мало читал, только небольшой фрагмент у меня в диссертацию входил,

а «Материю и память» я точно не читал. И вот у Бергсона я вычитал, в пересказе Игоря Ивановича, о странном явлении сознания – о том, что в нашем сознании, вообще говоря, нет прошлого. То есть оно в нас присутствует всегда. И в этом смысле сказать, что в сознании вот это было тогда, вот это сейчас и так далее – нет. Это вот ты сейчас говоришь, и это в тебе присутствует сразу. И что самое любопытное – и будущее тоже. Когда ты говоришь о будущем, что вот «я хотел бы сделать то-то, то-то, то-то»... В этом смысле три вот этих времена – они сливаются в некий целостный континуум.

Аванесов С. С.: То есть они в настоящем присутствуют, но помечены нами как прошлое или будущее.

Колычев П. М.: Вот слово «помеченные» – это, как мне кажется, неудачный термин. Как же здесь сказать?

Аванесов С. С.: Мы же так их переживаем – как то, что уже было...

Колычев П. М.: Ну, если мы очень долго будем говорить, мы же понимаем, что ведь могут и чувства те вернуться. То есть мы сейчас можем настолько углубиться, что могут даже ощущения те вернуться. Допустим, у меня есть какие-то по утрам правила медитации и специальная система такая: я должен вспомнить какие-то счастливые моменты детства. А я их переживаю. И вот ты вспоминаешь, и не просто картинки вспоминаешь, а ты вспоминаешь, что ты чувствовал тогда.

Аванесов С. С.: Ну, или ты падал откуда-нибудь, ты можешь вспомнить и пережить ощущение падения. Да?

Колычев П. М.: Да. Вот это удивительно. В автобиографии – да, это присутствует. Но это как бы модель работы с сознанием.

Аванесов С. С.: А ещё вопрос вот такой (в продолжение): когда человек пишет автобиографию, должен ли он строго воспроизводить все факты, которые с ним произошли и которые он точно помнит? Или он должен (или имеет право) проводить некую селекцию этих фактов: выделять главные, умалчивать в чём-то таком, о чём он посчитает нужным не говорить? Или он должен просто всё воспроизвести, что он помнит?

Колычев П. М.: Понимаю, да. Мне кажется, на каждый момент жизни мы имеем некий самообраз, то есть мы имеем некое представление о самом себе. Допустим, я, например, совершенно чётко понимаю, что 20 лет назад у меня был о самом себе другой образ. И когда я был физиком, у меня был другой образ, вообще-то говоря. И в этом смысле я же рассказываю с точки зрения вот этого сегодняшнего образа. И понятно, что какие-то фрагменты, которые я мог бы упомянуть 40 лет назад, я сейчас не упоминаю. Или, наоборот, я сейчас понимаю, что на меня... Вот я сегодня вспомнил. Вообще, откуда у меня пошла, от кого я первый раз услышал слово «философия». А вот оказалось: от Степанищева Анатолия Федоровича. Это учитель по физике. Может быть, я не знаю, 20 лет назад я об этом даже и не вспомнил бы. Поэтому, конечно, каждый раз всё по-новому. Ну, это как бы такие пазлы, из которых мы можем слепить разные картинки. Вообще-то говоря, мы здесь можем вот эти убрать, какую-то часть, из них что-то сконструировать вот это. А вот это и вот это нам уже не нужно. Что будет через 80 лет? Было бы хорошо это всё записать через 20 лет.

Я вот общался с Валерием Николаевичем Сагатовским (моим учителем). Он всё-таки старше меня примерно на 20 лет, и я понял, какая у нас разница, это просто другое поколение. Вот это первый раз, когда я почувствовал реально

другое поколение. И я тогда стал понимать, что в 40 лет я был другим. И в 20 лет я был совсем другим. Нет, ну, какой-то стержень всё-таки остался. Но мировоззрение изменилось, и по отношению к событиям... Например, я такое вытворял, когда работал комсомольским вожаком. Был такой период в моей жизни. Я был освобождённым секретарем ОКБ на заводе. Я сейчас просто со страхом вспоминаю. Там сложилась ситуация: куда-то нас послали, как всегда, комсомольцев, я должен был организовать. Куда-то работать. А там просто выкопали ямки такие, и надо было туда опору поместить. Опора не помещалась. Что-то там уронили, надо было подкопать. И вот кран держит эту опору. Я понимаю, что я ответственный человек, я не могу никого из комсомольцев в яму эту послать, и я, дурак, туда лезу, чтобы подкопать. Надо мной висит несколько тонн. Вдруг что-то – и меня раздавит просто в лепёшку. Сейчас я этого бы не сделал. Я бы никому это и не разрешил. И я бы сам никогда бы этого не сделал. Это очень яркий пример, его я запомнил в своей жизни. Вот тогда я это мог сделать.

Или события с Ленинаканом. Ну, правда, мне за них не стыдно. Когда землетрясение было, я был так впечатлён. Это как раз разгар «перестройки». И я пришёл в комитет комсомола: «Хочу поехать помогать братьям-армянам». А супруга в ужасе была. Она говорит: «Ты куда едешь-то? А ты не помнишь, что у тебя двое детей». А я дурак был. Вот у меня двое маленьких детей – я еду куда-то. Неизвестно: а может быть, там ещё будут эти толчки? Откуда мы знаем-то? Они, кстати, и были там потом. Правда, не страшные, но были. Поэтому много из того, что я делал раньше, я сейчас себя за это ругаю. Я бы сейчас этого не сделал. Это означает, что я другой. Это означает, что в автобиографии я что-то буду упускать. И, наоборот, что-то упоминать.

Аванесов С. С.: А вот насколько объективной должна быть автобиография, а насколько субъективной? Имеет ли право автор автобиографии не только на умолчание, но и, например, на мистификацию, на игру с читателем?

Колычев П. М.: Ну, вот на игру с читателем – конечно, может быть. Поэтому что это сам жанр такой. Я думаю, что даже сейчас я смотрю в камеру – и я всё равно играю. Я всё равно чувствую себя на лекции, во мне что-то просыпается, я кому-то рассказываю, сейчас мне будут аплодировать. Это присутствует. Ну, вы понимаете, что в каждом профессиональном преподавателе вот это актёрство, оно изначально в нас присутствует. Я думаю, вот это – да.

Вот насчет мистификации – я против мистификации. Просто вот мы с супругой много сейчас... Хотел сказать: «Мы читаем». Это неправда. Это она читает. Она мне просто пересказывает потом всё. Много она прочитала про Малевича. Вот это был мистификатор. Вот это был мистификатор, причём не очень хорошего плана. Для меня вот есть Кандинский и есть Малевич. Кандинский ничего не мистификовал, совершенно откровенно говорил: «Да, хочу изобразить нечто внутреннее». Он так и не сказал, что это такое. А Малевич в моём представлении – это позёр и мистификатор. Я думаю, нет. Мистификация – это всё-таки обман. Это обман и себя, и... Ну, в лучшем случае, это обман себя, а в худшем случае это обман того, кому я всё это рассказываю. То есть я хочу выглядеть так, вот так и так. Нет, это не честно, это не интересно. Это не честно.

Да, насчет субъективности. Поскольку это автобиография, она стопроцентно субъективна. Вот в этом смысле слова. Но если имеется в виду, насколько объективно я должен использовать внешние данные? Ну, например, я закон-

чил школу в 1974 году. Ой, в 1975 году. Я не должен говорить, что я её закончил в 1980 году, допустим. Кстати, слушайте, небольшая мистификация была. Я сейчас поймал себя на мысли. Когда я говорил, что я в Дубне был на стажировке в ляпе (в Лаборатории ядерных проблем), которую возглавлял Бруно Максимович Понтекорво... Я его никогда не видел. Создалось впечатление, что я чуть ли не за руку с ним... Ничего подобного. Лаборатория ядерных проблем – это огромное здание. По-моему, 9-этажное. Это просто гигантский такой корпус. В размере как бы целого института. Я работал в отделе. И Понтекорво я никогда в жизни не видел. Это правда. Но то, что у нас небольшие такие преканания с Гинзбургом были, – это правда. И с академиком Марковым. Это – да. Было 100-летие Эйнштейна. В Академии наук было специальное заседание, в Москве. Я из Дубны приехал специально. Захожу в зал, смотрю, думаю: «Что это на первый-второй ряд никто не садится?» Ну, студент. Я думаю: «Ну, сяду я на первом». На первый не стал садиться, ума хватило – на второй сел, сижу. Значит, выступает академик Марков – доклад по элементарным частицам, по гравитации. Меня заинтересовал этот доклад. Гинзбург ведёт заседание и говорит: «Есть у кого вопросы?» Я вижу, вопросы никто не задаёт, и говорю: «Есть». Я, значит, встаю, задаю. Марков мне отвечает. Гинзбург говорит: «Ещё есть вопросы?» Я говорю: «Есть». Гинзбург говорит: «Так, слушайте, два раза одному и тому же человеку позволять вопросы задавать не будем. Подойдите после». Так я наглец: я дождался окончания доклада, я подошёл к нему, я задал свой вопрос, получил ответ и удовлетворённый тогда ушёл. Но в этом рассказе пример – это не мистификация. А вот я немножко передёрнулся, когда говорил о Понтекорво. Вот там было. Но это была игра. Я это сделал несознательно. Это была игра. Да, это была игра, верно.

Аванесов С. С.: В этой связи тогда для кого пишется автобиография? И какие у автора цели?

Колычев П. М.: Для себя.

Аванесов С. С.: Для себя?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: То есть у неё нет никаких педагогических, нравоучительных целей?

Колычев П. М.: Абсолютно. Нет. Более того, я считаю, что моя автобиография очень вредна. Она должна быть отрицательным примером. Люди должны прочитать или услышать и сказать: «Вот видите, так он делать не должен». Кстати говоря, я даже здесь отчасти играю, но, на самом деле, может быть, я как-нибудь познакомлю со своим проектом «Ливели», Вы поймёте, что одна из главных задач «Ливели» – это вообще не контактировать с обществом. Вообще это как бы замкнутое существование внутри общества, а лучше всего – внутри города. Вот чем меня и заинтересовала тема Вашей конференции. Лучше внутри города, потому что легче прожить. Но минимально сократить контакты с обществом. Но это может быть полезно внутри некоего сообщества. А когда я вот так говорю и передо мной только камера и почти никого нет, за исключением двух человек передо мной, и всё... Меня всегда смущало, когда говорят люди: «Можно я у вас возьму интервью?» Я думаю: «Хорошо. Я буду это говорить кому? Те люди, которые будут слышать, я их не знаю». И это было мне очень неприятно. Я всегда не очень понимал вот эту популярность: тобой интересуются люди, которых ты не знаешь. Меня это бесило

всегда. Зачем ты мне нужен? Почему я тебе должен всё рассказывать? Ты кто, вообще? Я с тобой не знаком. И вот это не очень приятно. Поэтому, если говорить о широкой аудитории, это, конечно, саморефлексия. То есть это способ подумать о себе самом и высказаться вслух. Потому что то, что мы думаем, – это одно, а высказанное вслух – это немножко другое, а иногда совсем другое. Или внутри небольшого сообщества. Вот, например, в качестве нашего сейчас сообщества. Нас здесь присутствует три человека, которые великолепно меня знают. Вот для них я готов, для них я это и рассказываю. Сергей Сергеевич, я это рассказываю для Вас, прежде всего.

Аванесов С. С.: Хорошо.

Колычев П. М.: А там – как получится.

Аванесов С. С.: Ну, в общем смысле, не является ли это, условно говоря (такой немного провокационный вопрос), некоторой, может быть, нескромностью, когда философ пишет автобиографию и ещё и публикует её? Тут нет какого-то такого налёта некоторой нескромности, то есть выставления себя напоказ, саморекламы и так далее? Нет такого?

Колычев П. М.: Я понял. Недавно мы с Любой посмотрели какие-то документальные фильмы. А-а, очень хороший актёр Маковецкий. И четыре передачи было записано, где он о себе рассказывал. Он очень подробно о себе рассказывал. И создалось неприятное впечатление: зачем он это сделал для всех? Он говорил о каких-то интимных вещах, и мне это было неприятно. Такое ощущение, что я как бы подсмотрел.

Но в своём рассказе я ничего такого не рассказал интимного. Был любопытный разговор у меня с Володей Соколенко. Это мой коллега из Саратова, у Игоря Дмитриевича Невважая мы работали на одной кафедре. Очень любопытный человек. Я как-то ему говорю: «Володя, может быть, сделаем какой-нибудь семинар?» Он говорит: «А что будем делать?» Я говорю: «Поделимся своим мировоззрением». Он меня шокировал. Он говорит: «Ты знаешь, вот если бы ты сказал, что мы соберемся и поговорим о деталях своих сексуальных практик, – это бы у меня не вызвало никаких сомнений. Это запросто. Но говорить о глубоком внутреннем моём интимном мировоззрении, слушай, я не готов». Я очень сильно тогда этому удивился.

В моём случае это связано именно с самой философской концепцией. Поэтому у меня здесь нет никакого напряга. Ну, Вы знаете, я искал решение, и вдруг оно неожиданно вот такое получилось. Но я же не виноват, что оно такое получилось. Ну, вот оно такое получилось. Я должен с этим теперь жить. Ну, вот у меня так получилось. Ну, ты же делал. Ты сделал всё правильно? Правильно. Ты ответ получил? Получил. Согласно этому ответу у тебя всё должно закончиться автобиографией. Получите. Всё.

Аванесов С. С.: А вот возникает некоторый парадокс: и логический, и философский парадокс. Человек, считающий себя философом, решает, что он находится на таком этапе развития, когда пора писать автобиографию. Нет ли здесь какой-то парадоксальности? Ведь автобиография какой-то результат должна представлять, а жизнь-то ведь ещё не закончилась? И после автобиографии (написания её) может ещё 15 лет философского роста быть. Нет?

Колычев П. М.: Я понял. Я отчасти это сказал в предыдущем своём выступлении – о том, что это, конечно, некоторый этап. В моём случае это точно этап. Потому что я наметил будущие перспективы, как должна эта моя биог-

рафия, в общем-то, продолжиться. В этом смысле у меня здесь всё нормально. В своё время и до сих пор я не очень понимаю (я уже говорил немного о Гегеле), я никак не мог понять, думаю: «Ну, вот он достаточно рано разработал науку логики. Почему он её потом не переписал?» Ведь прошло много времени, вообще-то говоря. Наука изменилась. А он, кстати, основывался на тех научных данных, которые потом оказались неправильными (астрономические и так далее). Почему он потом, спустя большое количество времени, не переписал всё это, не передумал, вообще-то говоря. Вот передо мной этот вопрос стоит. Основная моя книжка «Релятивная онтология» была написана в 2006 году. Но уже 14 лет прошло. У меня уже накопилось огромное количество новых, ну, не новых, а всё же решений, как бы ответвлений. И, по большому счёту, надо сесть и её переписать ещё один раз. И в этом смысле надо каждый раз её переписывать. Я тут вспомнил великолепные слова Горина из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Если помните, в самом начале фильма, когда они сидят на охоте, барон Мюнхгаузен говорит: «Да, я считаю, что человек должен время от времени вытаскивать себя за волосы». Гениальная фраза. Ну, просто гениальная фраза. Просто лучше и красивее не скажешь. И автобиография – это вот именно этот акт, когда себя вытаскиваешь, показываешь. Ну, а потом уже это, конечно, твои варианты: либо ты опять туда же себя... Или ты кладёшь себя на следующую ступень и пошёл вперед. И дальше через какое-то время ты опять должен эту процедуру совершить.

Аванесов С. С.: То есть она тогда переписываться должна регулярно.

Колычев П. М.: Да, конечно. Ну, я и говорил: я в 20 лет, я в 40 лет и я в 60 лет – это, вообще говоря, три разных человека.

Аванесов С. С.: Кстати, интересно было бы написать такую автобиографию, в которой первая часть написана от лица 20-летнего человека, вторая часть – 40-летнего...

Колычев П. М.: Ну, вот это дают дневники. Это дают дневники. Вот тот дневник, которым моя супруга Любовь Ивановна занималась, там же он с 1957 года, по-моему, а может быть, даже и раньше, начинает. Вот там – да, там видно вот этот прогресс его. И там видно, как он меняет своё мнение по одному и тому же вопросу. Она даже в одну главу там собрала какую-то тему и показала, как он меняется.

Аванесов С. С.: Петр Михайлович, тогда от меня последний вопрос, а потом можете ещё что-то добавить. Вопрос такой. Существует достаточно устойчивое мнение, расхожее такое мнение, что, в общем-то, биография философов продолжается, а иногда даже и начинается, только после их физического ухода. То есть если их биография продолжается, то каким образом можно описать биографию, которая ещё не состоялась? Может быть, вообще тогда философская автобиография невозможна?

Колычев П. М.: Нет, ну, мы уже третий раз возвращаемся к этому вопросу. Нет, это многоэтапный акт. Вот на сегодняшнее число (у нас сегодня 4 февраля 2021 года) я такой. Моя автобиография вот такая-то. Семь часов вечера. Вот на семь часов вечера я такой. Завтра я могу уже начать быть другим.

Аванесов С. С.: Но мы можем назвать это автобиографией?

Колычев П. М.: Автобиографией – конечно. Мне было бы любопытно всё это сделать через 20 лет. Я предлагаю через 20 лет опять подать на грант и по этим же следам...

Аванесов С. С.: Через 20 лет, я думаю, даже если гранта не будет, мы сделаем это бесплатно.

Колычев П. М.: О! Отлично!

Аванесов С. С.: Только ради удовольствия. Пётр Михайлович, я Вас благодарю. Если хотите что-то сказать ещё такое заключительное, прошу.

Колычев П. М.: Я рад, что иногда есть какие-то вещи, которые ты сам всё откладываешь, у тебя что-то там не получается и так далее. А тут ты поставлен в какие-то рамки, тебя выдернули и сказали: «Делай». И иногда это доставляет удовольствие. Ну, в моём случае даже не иногда. Поскольку я подписываюсь под все вещи сейчас, которые мне принесут какую-то пользу и удовольствие. Совершенно неожиданно вот эта конференция по городу. Ни думал, ни гадал, бах – а тут как бы многое, что я хотел сказать. И я это хотел, но я бы этого не сделал. А вот некоторый акт насилия всё-таки нужен, к сожалению. Некоторый акт насилия как толчок, он нужен. И я благодарен организаторам, вот Сергею Сергеевичу за этот начальный толчок. Спасибо вам. До встречи.

Аванесов С. С.: Спасибо, Пётр Михайлович.